

Сказка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Сказка. Максим Горький

Жил-был статский советник Оный, мужчина вдовый, и было у него три сына: один – серьезный человек, провокатор; другой – так себе, а третий – еще подросточек, Борькой звали.

Первый сын, конечно, заговоры устраивал, подкладывая знакомым бомбы и прочее, что надо для успеха дела; второй, занимаясь журналистикой, сотрудничал в изданиях всех направлений, а в свободное время добродушно помогал старшему брату, но теоретически был не согласен с ним и откровенно говорил ему:

– Чёрт знает чем занимаешься ты!

А тот возражает:

– Еще император Веспасиан[1] доказал, что деньги не имеют запаха.

– Так ведь тогда деньги были металлические!

– Это мною не забыто, и я прошу платить мне золотом. Я, брат, тоже – брезглив...

– А все-таки лучше бы хоть в «Продуголь»[2] поступить...

– Мне убеждения не позволяют в синдикате работать...

Поспорят немножко для упражнения в красноречии и братски разойдутся каждый к своему занятию, а то и вместе пойдут куда-нибудь, строго следя за тем, как бы невольно не предать друг друга.

А то старшой курит папиросу и вслух мечтает, как человек, исторически образованный:

– Хорошо было жить триста лет тому назад. Хошь – Шуйскому служи, не хочешь – иди к Тушинскому вору,[3] а кроме того, – Сигизмунд![4] Ныне же все понятия исказились: совесть покупают нипочем, и везде невыгодно, везде беспокойно...

Средний брат соглашается:

– Трудное время! Раньше, бывало, во всех газетах одно и то же писали: «Будьте любезны, дайте нам реформы, а то мы все совершенно опаршивеем!» И всё было просто, ясно, даже начальство понимало. А ныне: в одной газете надобно жида травить, в другой – сокрушаться по этому поводу, здесь – велят лаять на оппозицию, там – притворяйся оной; разберись-ка в этом!

Папаша сочувственно вздыхает:

– Воистину трудно! И даже удивляешься, как сами-то редактора во всем этом разбираются?

Старшой – ему всё известно! – не без кокетства говорит:

– Ну, и они тоже не всегда удачно...

Борька же, по молодости возраста далекий от сих треволнений, ничем не занимался, просто – сунет пальчик в ноздрю себе, задумчиво подержит его там, сколько требуется скоплением обстоятельств, потом вынет и, показав папаше результат, убежденно скажет:

– Бя!

Было в нем что-то мистическое.

– Гм! – озабоченно думает Оный. – Следует ли отучать его от этой привычки, или же она знаменует особое направление сердца и ума во младенце?

И, живя в некотором замешательстве, всё не мог решить, куда бы Борьку направить.

- В потешные, – посоветовал средний сын.
- Но говорят, что там греческие нравы начинаются...
- Всё равно – везде изнасилуют, – меланхолически сознался средний.

А старшой смотрит на младшего серьезно и таинственно говорит:

- Подождите!

Ждут. А время всё идет да идет. Посмотрел однажды отец на Борьку и советует ему:

- Вытри верхнюю губу.

А тот – с гордостью:

- Это – усы!
- Однако! – воскликнул Оный и задумался: – Что делать? Сечь? Поздно...

Человек исконно русский, он всегда, как приступала необходимость решительно приняться за дело, долго и всесторонне задумывался.

- А ведь я не то сделал! Почему?

И вдруг снова сделает не то. Но зная, что сие есть черта национальная, не обижался на себя.

Так и с Борькой вышло: грамоте он кое-как научился, читал почти без усилий, а дальнейшему учить его поздно было: он уже на горничных со ржанием бросался и, оставив нос в покое, свирепо увлекался более низким занятием.

Отец заскучал было, но средний сын, как человек всесторонне развитой, нашел успокоительное объяснение:

- Оставьте, папаша! Просто – юношу интересуется всё выдающееся; это вообще свойственно возрасту, к тому же, с точек зрения этики, экономики и гигиены...

И оправдал Борьку со всех точек зрения; старшой же совершенно серьезно говорит чужими словами:

- Даже камни находят место свое на земле, человек же тем паче найдет!
Подождите.

А Борька начал постепенно проявлять интерес к жизни: увидит в газете объявление: «Ищут переводов» – и негодует:

- Ищут, а на какую сумму, не указывают! И почтовых или по телеграфу – тоже не сказано...

Среднего брата спрашивает:

- Ты объявления в стихах пишешь?

Тот конфузится:

- Честное слово, – говорит, – это не я!
- Боюсь, он несколько наивен, – сказал однажды Оный старшему сыну, но тот хладнокровно ответил:
- Сам Игнациус Лойола[5] в юности был глуп...

И всё присматривается к братишке, присматривается, да, наконец, сел рядом с ним и спрашивает:

– Ты знаешь, что такое оппозиция?

– А что?

– Ей надобно пакости делать.

– А – как?

– Да ты скажи – можешь?

– Пакости делать? Могу!

– Тогда – идем!

Пошли. Привел старшой брат Борьку к одному дому, поставил против окон и советует:

– Бей стекла!

– А ежели за это по морде меня?

– Скажи, что из патриотизма, – не тронут.

Взял Борька камень, выбил стекло, стоит, смотрит.

Забавно! В доме люди попрятались, на улице разбежались. Подошел к нему весьма угрожающе господин городской, кричит:

– Ты по какому случаю стекла бьешь?

– Из патриотизма.

Взял городской под козырек, дрожит, – испугался.

– Простите, говорит, я ошибся...

И тотчас любезно исчез.

Разбил Борька еще два стекла, постоял, ожидая каких-нибудь последствий, и пошел домой, не ощутив на первый раз никаких удовольствий.

А на другой день брат опять повел его стекла бить, внушая дорогой:

– Этим путем в наше время всего легче добиться политической карьеры. Все, говорит, великие люди были разрушителями, как-то: Генрих Гейне, Тамерлан и прочие...

Так и водил он его с неделю времени, пока наконец не объявились для Борьки последствия с удовольствиями: в воскресный день перебил Борька все стекла в редакции оппозиционной газеты; вдруг подбегают к нему страховидные люди и ревут;

– Р-ра!

И приглашают:

– Пожалуйте!

– Куда?

– Просим.

– Вы – оппозиция?

– Из-збави боже! Мы решительно против...

Привели его в собрание себе подобных, а там все существа, сколько их было, орут;

– Рр-ра-а!

Один же подошел вплоть и говорит:

– Мужественная и неутомимая ваша борьба с крамолой... Вы, говорит, опора, а мы, говорит, чтим и восхищаемся, позвольте пожать вашу смелую руку: истинно русский человек Хам фон Жужелица, мексиканский румын.

Ничего понять нельзя!

Но Борька не растерялся: как бы по наитию свыше схватил стул и, замахнувшись им, кричит:

– Я могу!

Все довольны, режут, лобзуют его и шепчут в уши:

– Вы этому Жужелице не верьте, – он три дня тому назад у извозчика лошадь угнал, а раньше этого – у сонного губернатора соображение похитил, и вовсе он не румын, а тамбовский негр, однако хочет первую роль играть...

С этого дня и началось серьезное в Борькиной жизни: вооружился он крепкой палкой, ходит по городу и бьет стекла, а укажут ему человека:

– Тресни!

Так он и человека тоже.

Жители, завидя его, разбегаются, покрикивая друг другу:

– Прячься, ребята! Опять Борька вышел карьеру нагуливать.

Завистливые, но не смелые, глядя из подворотни, вздыхают:

– Н-да! Этот до счастья своего доскочит...

А которые посмелее – подражать начали Борьке: он одно стекло выбьет, а они остальные докончат и ходят за ним гурьбой, с пением, – средний брат Борькин стеклобойный гимн – инкогнито – сочинил:

Чтоб крамола передохла,
Делай, братцы, сквозняки!
Р-разобьем повсюду стекла,
И – да будут насморки!
Зачихают все злодеи
И подохнут от простуд!
А у вас тогда скорее
Мир и радость процветут!

Понимающие люди указывали автору, что это безграмотно, но он опроверг:

– Необходимо для стиля, – говорит.

Скромные жители пробовали закрывать окна ставнями, но полиция нашла это недопустимым в интересах всестороннего наблюдения за внутренней жизнью граждан.

– Что ж? Подождем, потерпим, – соглашались жители, нация, еще древних римлян изумлявшая своим смиренством.

Борька же, приучившись к безобразию, стал чувствовать себя национальным героем, даже во сне кричит:

– Спасай Русь!

Так невозбранно действовал он, окруженный всеобщим вниманием и славословиями. Когда же, наконец, все миролюбивые жители, покоя ради, переселились в глубокую Азию, куда их искони кровь тянула, и когда стало на Руси совершенно тихо, – явился Борьке частный пристав и говорит вполне серьезно:

– В ознаменование заслуг ваших и ради поощрения их в будущем назначаю вас

Сказка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
министром народного просвещения...[6]

Это даже Борьку удивило до немoty – смотрит на пристава и молчит, а потом отозвался:

– Могу!

Тут старшой брат сказал Борьке с гордостью:

– Видишь, болвашка, до чего я тебя довел? Между прочим, назначь-ка ты меня профессором по кафедре истории. Я это дело насквозь знаю!..

– А меня, – просит средний, захлебываясь, – а меня...

И заплакал:

– Ах, почему я не женщина?

Этого желания никто не мог понять.

Онй тоже, конечно, плакал.

– Воистину, говорит, не пропала служба и молитва моя! Поглядела бы покойница Капочка...

Потом средний брат стал издавать газету в трех различных направлениях, и все семейство благополучно устроилось.

Комментарии

Впервые напечатана с сокращениями в газете «Одесский новости», 1912, № 8812, 1 сентября; полностью – в журнале «Современный мир», 1912, № 9, стр. 28–33, в составе первого цикла «Русских сказок», под номером X.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Машинопись с авторской правкой – АМ*. Заглавия нет. Цифра X исправлена карандашом на XI (ХПГ-45-10-1).

2. Авторизованная машинопись с незначительной правкой – АМг, по-видимому, предназначавшаяся для ЛГ. Вместо заглавия цифра XI (ХПГ-45-10-2).

Печатается по АМ2 с исправлением по «Современному миру»: «старшой брат» (стр. 242, строка 5) вместо «старший брат».

Сказка написана Горьким на Капри, во второй половине июля 1912 г. (см. комментарии к «Русским сказкам»).

Текст сказки перед опубликованием ее в сентябрьском номере «Современного мира» подвергся редакторской правке, сделанной по цензурным соображениям.

Сопоставление журнального текста с АМг и АМг позволяет выявить изъятия, сделанные редактором (даны курсивом в квадратных скобках).

Стр. 240, строки 31–34: ...там греческие нравы начинаются...

[– «Все равно – везде изнасилуют, – меланхолически сознался средний.»]

Стр. 241, строки 4–5: [Человек исконно русский,] он всегда, как приступала необходимость...

Стр. 243, строка 6: [истинно русский человек] Хам фон жужелица.

Стр. 244, строка 14: Спасай [Русь!] х

Стр. 244, строка 19: стало на [Руси][7]

В настоящем издании сказка впервые печатается без указанных изъятий и изменений.

Горький, по-видимому, намеревался включить сказку в издание ЛГ. В АМ1 цифра X (номер сказки в публикации «Современного мира») переправлена на XI. АМГ уже имеет номер XI, вместо заглавия. Это свидетельствует о том, что писатель думал напечатать произведение в числе других русских сказок, после сказки о «непротивлении злу насилием». Однако в издании ЛГ (1917) и в книге, изданной «Парусом» (М. Горький. Русские сказки. Пг., 1918), одиннадцатой является сказка о Смертяшкине. При подготовке собрания сочинений К Горький сделал ее третьей, а сказка о советнике Оном так и осталась за пределами цикла «Русских сказок».

По идейной направленности сказка близка к таким злободневным произведениям Горького, как «Письмо монархисту» и статья «О Союзе русского народа», посвященным борьбе с черносотенством.

Сатирический образ Борьки – «борца с крамолой» и новоиспеченного министра просвещения – ассоциируется с фигурой Л.А. Кассо, назначенного министром народного просвещения в 1910 г., а образ «истинно русского человека», мексиканского румына Хам фон Жужелицы, высмеивает черносотенных «деятели» В. М. Пуришкевича, И. А. Думбадзе и др.

Критик «Биржевых ведомостей» пытался извратить смысл сказки, выдавая ее за произведение на общую тему об извечном торжестве пошлости (см.: «Биржевые ведомости», 1912, № 13181, 6 октября).

Прогрессивно настроенный критик из «Одесских новостей», напротив, подчеркивал, что сказка о советнике Оном и его сыновьях дает читателю возможность понять содержание всего цикла и свидетельствует о «силе сатирического бича Горького» («Одесские новости», 1912, № 8812, 1 сентября).

Примечания

1 Веспасиан Тит Флавий (9 – 79) – римский император (69–79).

2 «Продуголь» – синдикат донецких углепромышленников, одна из крупнейших капиталистических монополий в царской России.

3 Тушинский вор – Лжедмитрий II (ум. 1610) – самозванец, претендент на русский престол, ставленник польско-шляхетских интервентов и Ватикана; военный лагерь Лже-Димитрия был под Москвой у села Тушино.

4 Сигизмунд III Ваза (Зыгмунт III, 1566–1632) – польский король; в его правление произошла военная интервенция польско-литовских феодалов в Россию.

5 Игнациус Лойола – Лойола Игнатий (Иниго Лопес де Рекальдо, 1491–1556), основатель «Общества Иисуса» (ордена иезуитов). Его имя стало синонимом жестокости и хитрости («иезуитства»).

6 После подавления революции 1905 г. на пост министра народного просвещения был назначен реакционер А. Н. Шварц, в 1910 г. его сменил Л. А. Кассо, близкий к черносотенным кругам.

7 Изъятие здесь заменено соответственно словами: «отечество» и «родине».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!